

Галина Ивановна Заварова

ВОСПРИЯТИЕ В РОССИИ КНИГИ ЛУИ БЛАНА

«ИСТОРИЯ ДЕСЯТИ ЛЕТ»

Французский ежегодник 1981

М.: Наука. 1983. С.196-205

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Собрание ссылок на работы Луи Блана и материалы о нем:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblanc>

Луи Блан. Люксембургская комиссия

http://vive-liberta.narod.ru/doc/1848_l-blanc.pdf

П.Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

На протяжении почти всего XIX столетия Франции принадлежало особое место в духовной жизни мира. В. Г. Белинский называл ее передовой колонной *au drapeau tricolore* (под трехцветным знаменем). Он писал о благородстве французского народа, льющего кровь за священные права человечества¹. Революционная роль Франции особенно остро ощущалась в крепостной России, задавленной николаевским деспотизмом. Передовое дворянство и разночинная интеллигенция связывали со словом «Париж» воспоминания о великих событиях и великих людях 1789 и 1793 гг.², о титанической борьбе за свободу мысли, за человеческое достоинство, из Парижа ждали «пароль и лозунг» в борьбе с самодержавием.

Есть тем не менее и недостаточно изученные до настоящего времени свидетельства воздействия французских событий и французской интерпретации этих событий на русскую утопически-социалистическую мысль. В их числе отклики на книгу Луи Блана «История десяти лет»³ представителей русской революционной демократии, в первую очередь В. Г. Белинского и А. И. Герцена, которые с наибольшим вниманием и тщательностью прочитали это историческое исследование.

Июльская революция 1830 г., которой посвящена значительная часть книги Луи Блана, занимала своеобразное место в истории революционного движения Франции и России. Будучи промежуточным звеном между Великой французской революцией и революцией 1848 г., она уже достаточно четко показала роль пролетариата в классовой борьбе. Для России же 1830 год — это начало русской социалистической мысли, ибо на волне Июльской революции сюда хлынул поток утопически-социалистической литературы⁴.

До 1843 г., т. е. до знакомства А. И. Герцена и В. Г. Белинского с «Историей десяти лет», наибольшей популярностью в России пользовались идеи утопического социализма, в основном сенсимонизм. Лишь после ознакомления с книгой Луи Блана начинаются осмысление классового содержания революции 1830 г. во Франции, размышления о роли буржуазии в истории, о судьбах капитализма на Западе и в России.

Несмотря на то что «История десяти лет» оказала большое влияние на общественно-политическую мысль России — это особенно четко обнаруживается в статье В. Г. Белинского «Парижские тайны», в его письмах, а также в оценках А. И. Герценом буржуазии и капитализма, — роль книги Луи Блана в развитии русской социалистической мысли не исследована. И это имеет свое объяснение.

История знает немало примеров, когда то или иное замечательное произведение оказывается в непримиримом противоречии с другими книгами того же автора. Нередко это лучшая книга, но в памяти потомков она не занимает заслуженного места в силу последующих ошибок автора и его весьма сомнительного авторитета, обусловленного этими ошибками.

Нечто подобное произошло и с Луи Бланом. Соглашательская пози-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953—1959, т. 11, с. 576.

² См., например: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954—1965, т. 5, с. 141.

³ Blanc L. Révolution française: Histoire de dix ans, 1830—1840. P., 1841—1845. T. 1—5.

⁴ См.: Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М., 1966; Смирнова З. В. Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973; и др.

ция в 1848 г., так называемая «луиблановщина»⁵, нанесла серьезный ущерб международному рабочему движению и наложила свой отпечаток на образ Луи Блана. А между тем в «Истории десяти лет», увидевшей свет в 1841—1844 гг., Луи Блан стоял на иных, революционных позициях⁶.

По определению Ф. Энгельса, «История десяти лет» была «признанным пособием для всей революционной партии»⁷ как во Франции, так и в Германии вплоть до 1851 г., ее авторитет не подвергался никаким сомнениям. Г. В. Плеханов давно заметил, что в статье «Парижские тайны» В. Г. Белинский в сущности «стоял на точке зрения Луи Блана, к которому питал тогда величайшее уважение»⁸. В 1950 г. Ю. Г. Оксман подтвердил наблюдение Г. В. Плеханова, убедительно показав, что В. Г. Белинский излагал события Июльской революции, основываясь на книге Луи Блана⁹.

Глубокое влияние оказал Луи Блан и на исторические оценки Н. Г. Чернышевского. В докладе, посвященном 100-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, М. Н. Покровский отметил, что статья «Июльская монархия» в значительной части является переводом «Истории десяти лет» Луи Блана и предстоит серьезная историко-литературная работа по текстуальному выделению переводов из Луи Блана, с тем чтобы исследователи исторических воззрений русского революционера-демократа не повторили ошибки «Рабочей мысли», которая, характеризуя Н. Г. Чернышевского, цитировала отрывок из статьи «Июльская монархия», почти целиком переведенный из «Истории десяти лет» Луи Блана¹⁰.

Вот, собственно, и все, что было до сих пор известно о восприятии «Истории десяти лет» в России. Восторженные отзывы о книге Луи Блана А. И. Герцена, В. Г. Белинского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, привлеченное внимание к ней Н. Г. Чернышевского, а также влияние этой книги на русскую общественно-политическую мысль исследованию почти не подвергались.

Какую почву нашла «История десяти лет» в России начала 40-х годов XIX в. и каковы были отклики на нее? Что знали здесь до книги Луи Блана об Июльской революции и ее результатах?

Следует иметь в виду, что из русской периодической печати тех лет трудно было получить серьезную и достоверную информацию об Июльской революции во Франции. Со страниц таких изданий, как «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Телескоп», неслась безудержная хула в адрес «французов». «Вестник Европы» дал хоть и объективную, но довольно скудную информацию. Только «Московский телеграф» восторженно встретил июль 1830 г. Редактор этого журнала Николай Полевой пользовался любым случаем, чтобы затронуть самые щекотливые вопросы политики, и делал это с изумительной ловкостью¹¹. Однако его высказывания и оценки были весьма субъективны.

Ограниченными были и сведения, а еще более оценки французских газет, получаемых в России. А. И. Герцен узнал об Июльской революции

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 127—130.

⁶ Такова и оценка автора единственной монографической работы о Луи Блане: Бендрикова Л. А. Луи Блан как историк: Историкографический очерк. М., 1959, с. 31.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 168.

⁸ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5-ти т. М., 1958, т. 4, с. 491.

⁹ Оксман Ю. Г. Переписка Белинского.— В кн.: Литературное наследство. М., 1950, т. 56, с. 221.

¹⁰ Покровский М. Н. Н. Г. Чернышевский как историк.— Историк-марксист, 1928, т. 8, с. 15. Заметим, что эта работа, однако, не выполнена и опасения М. Н. Покровского оказались не напрасными. См.: Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский: Очерк жизни и деятельности. М., 1976, с. 65—66.

¹¹ Герцен А. И. Указ. соч., т. 7, с. 216.

из «Journal des Débats» за 31 июля — 1 августа 1830 г.¹² Газета выражала победное ликование, заявляла, что в результате революции установилось явное единство нации. Так, приводились слова из обращения нового муниципалитета к гражданам Парижа о том, что «добродетели есть у всех классов, все классы имеют одни и те же права, эти права гарантируются». В восторженно-приподнятом стиле описывалась встреча герцога Орлеанского в муниципалитете Парижа. «Это было новое и волнующее зрелище, — сообщала «Journal des Débats». — Генерал Лафайет, окруженный членами муниципальной комиссии и учащимися Политехнической школы, еще такими юными, но увенчанными славой, шел впереди принца. Их знакомство напоминало утро нашей славной революции, ради которой они вместе сражались».

Любопытна оценка Июльской революции журналом «Revue de deux mondes», печатавшим произведения В. Гюго, А. Дюма, О. де Бальзака, но остававшимся весьма консервативным в политическом плане. В четвертом номере за 1831 г. читаем: «Не считать революций в наши дни. В настоящее время революция — естественное состояние, революция — это порядок». О выступлении Тьера в палате депутатов говорилось: «Постоянная революция произведена Тьером. Хотя у него тонкая талия и тихий голос, он вызвал аплодисменты трибун. Превосходно, великолепно!». Так буржуазная пресса превозносила Июльскую революцию и вместе с тем сводила ее на нет. Неудивительно, что из далекого далека России разобраться во французских делах было чрезвычайно сложно.

И все же сюда доносились отголоски первых классовых столкновений пролетариата и буржуазии. Русские газеты сообщали о восстании рабочих в Лионе¹³. Расправа с рабочими внушала тревогу и сомнения в справедливости буржуазного порядка. Либерально настроенный В. П. Боткин, близко стоявший в те годы к В. Г. Белинскому, писал в корреспонденции «Русский в Париже»: «Париж стоит на рубеже между прошлым и будущим, смотрит с тоскливою задумчивостью вперед, не зная, утро ли теперь или вечер настоящей гражданственности»¹⁴. Но если это «вечер», то наступит ли утро? Все более очевидными становились «убожество революционной идеи», бесплодие либерализма¹⁵.

Франция 30-х годов преподавала урок несовпадения намерений и реальных результатов политической борьбы, целей и последствий революционных выступлений масс. Однако причины поражения рабочих в июльские дни 1830 г. и во время лионских восстаний 1831 и 1834 гг. оставались неясными.

Революционные демократы искали ответ в публицистике Франции, но она, включая и «Revue indépendante» Пьера Леру и Жорж Санд, разочаровывала поверхностью освещения событий. Ознакомившись с очередным номером журнала, А. И. Герцен записывает в дневнике: «Сколько жизни, огня, слов, таких, которые сейчас соберут кружки на бульварах, и притом какая плоскость пониманья истин независимо от современных интересов! Философски-политические статьи просто смешны...»¹⁶.

Понятно, что «История десяти лет» Луи Блана, который впервые рассказал правду об Июльской революции 1830 г. и Июльской монархии, явилась подлинным откровением для русских передовых людей. По выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, в России читали книгу «с уповани-

¹² Здесь же опубликовано стихотворение Делавиня «Парижанка», воспевающее Июльскую революцию. Русский перевод этого стихотворения был опубликован 28 октября 1830 г. «Литературной газетой» Дельвига и Пушкина, выразивших таким образом свое отношение к революции 1830 г. во Франции. За этот поступок Дельвиг был отстранен от участия в издании.

¹³ Северная пчела, 1831, 2, 4, 11, 12, 15, 16 дек.

¹⁴ Телескоп, 1836, № 14.

¹⁵ Герцен А. И. Указ. соч., т. 12, с. 76.

¹⁶ Там же, т. 2, с. 224.

ем»¹⁷. И вполне естественно, что в числе первых познакомилась с ней А. И. Герцен и В. Г. Белинский.

А. И. Герцен 4 июня 1843 г. заносит свои впечатления в дневник: „*Histoire de dix ans*“ L. Blanc. Чрезвычайно замечательное явление по взгляду, по изложению и по реверсиям. В революции 30 июля вся Франция и вся первая половина XIX века имеют представителей en bien и en mal»¹⁸ (в хорошем и плохом).

Что касается Белинского, то, как отмечал П. В. Анненков, говоря о его интересах и симпатиях, при всем разнообразии западноевропейской утопически-социалистической литературы, получившей распространение в России, необычайное впечатление на критика произвела «только книга Луи Блана „*Histoire de dix ans*“, тем именно, что показала, какого рода интерес и какую массу поучений и даже художественных качеств может заключать в себе история наших дней, переживаемого, так сказать, мгновения, под рукой сильного таланта»¹⁹.

В письме к В. П. Боткину от 31 марта — 3 апреля 1843 г. В. Г. Белинский делится своими впечатлениями о первой части книги: «Луи Блан — святой человек — личность его возбудила во мне благоговейную любовь. Какое беспристрастие, благородство, достоинство, сколько поэзии в мыслях, какой язык!»²⁰.

Почему же книга Луи Блана вызвала такой интерес в России?

Прежде всего она показала иллюзорность сенсимонизма. С большим мастерством и тактом, лаконично и последовательно Луи Блан изложил основные идеи сенсимонизма, отдавая должное заслугам сенсимонистов и одновременно критически высвечивая недостатки системы их взглядов²¹.

По прочтении трех томов книги Луи Блана А. И. Герцен сделал вывод, что сенсимонизм и республиканизм потеряли свою силу и надо искать новое содержание основных проблем времени. Если в 1833 г. А. И. Герцен считал источником социального прогресса развитие просвещения, нравственности и права²², то в 1843 г., под непосредственным впечатлением от книги Луи Блана, он пишет о нелепости случайного распределения богатства, о несправедливости гражданского порядка, приносящего в жертву огромное большинство народа, о невозможности равенства при существующем социальном строе и делает вывод: «Необходимость социального переворота теперь стала очевидна, враги развития, как Гизо, понимают и трепещут»²³.

Заслуживает внимания, что Н. Г. Чернышевский в статье 1860 г. «Июльская монархия», излагая взгляды сенсимонистов, очень близок к тексту книги Луи Блана и порой дает дословный перевод²⁴. В докладе главного управления цензуры о направлении журнала «Современник» за 1860 г. отмечена преемственность идей Луи Блана и Н. Г. Чернышевского²⁵.

В «Истории десяти лет» русские революционные демократы нашли богатый фактический материал, щедро подтвержденный документами, настоящую энциклопедию классовых столкновений в Европе в 1830—1840 гг. Точное знание и понимание истории Июльской революции, почерпнутые из книги Луи Блана, помогли им подойти к рассмотрению социально-политических вопросов применительно к России: о роли народ-

¹⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. Л., 1936, т. 14, с. 162, г.

¹⁸ Герцен А. И. Указ. соч., т. 2, с. 284.

¹⁹ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 211.

²⁰ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 12, с. 154.

²¹ Blanc L. Op. cit., t. 3, p. 95—139.

²² Герцен А. И. Указ. соч., т. 21, с. 20.

²³ Там же, т. 2, с. 289.

²⁴ Blanc L. Op. cit., t. 3, p. 93—139; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.; В 16-ти т. М., 1950, т. 7, с. 165—185.

²⁵ Чернышевский Н. Г. Указ. соч., с. 1010—1011.

ных масс в революции, о вождах революционного движения, о перспективах капиталистического развития России, о буржуазии и ее роли.

Какие же выводы сделал В. Г. Белинский? «Королевскими повелениями в 1830 году была изменена французская хартия, рабочий класс в Париже был искусно приведен в волнение партией среднего сословия»²⁶, — излагает В. Г. Белинский концепцию Луи Блана, документально аргументировавшего свою точку зрения, обличавшего хитрость и вероломство буржуазных дельцов и показавшего наивную доверчивость неподготовленных к политической борьбе народных масс.

Сначала народ встретил известие об ордонасах Карла X, ущемлявших интересы издателей, владельцев типографий и журналистов, с глубоким равнодушием. Возмущена была буржуазия, которую затрагивали эти ордонасы, и она немедленно приняла меры, чтобы поднять на борьбу народные массы.

Составленный и распространенный журналистами протест послужил сигналом к народному негодованию. Владельцы типографий «подлили масла в огонь», увольняя рабочих со словами: «У нас нет больше для вас хлеба». Улицы наполнились уволенными рабочими и сочувствующими им бедняками. Началось народное восстание²⁷. Луи Блан показал предательское поведение буржуазии, стремившейся лишь к одному — использовать революционный порыв масс, сражавшихся под девизом «Свобода, равенство и братство», в своих узкоклассовых интересах.

С первых часов борьба шла под лозунгом буржуазии «Да здравствует хартия!». Народ, ничего не знавший о хартии, вкладывал в эти слова смутные надежды, таившиеся в глубине сердца, рассказывает Луи Блан. Но вот было развернуто трехцветное знамя, олицетворявшее героическую историю Франции, и началась революция²⁸. Многие умирали за одно лишь слово «свобода», даже не понимая его подлинного смысла. Те, кто понимал цель борьбы, появились потом, чтобы загрести жар чужими руками.

Луи Блан не только стремился к достоверному описанию событий, но и непременно давал им оценку, и это была оценка человека, отстаивающего интересы трудового народа.

Могла ли, казалось, нация быть более единой, чем в день народного триумфа 29 июля! «Люди, которые никогда раньше не встречались, обнимались, как старые друзья... Охваченные общим энтузиазмом, все классы, казалось, забыли старую ненависть»²⁹. Луи Блан, однако, не обольщается картинами этого социального мира. Обрывая описание победы народа, он как бы перечеркивает ее: «Это продолжалось несколько часов. Вечером буржуазия встала под ружье, чтобы охранять свою собственность. Чувство братства внезапно уступило место недоверию, в котором выражался страх перед возвращением войск и еще более страх перед народом... Буржуа, одетые в форму, разоружали рабочих в блузах и даже буржуа без формы»³⁰.

Автор «Истории десяти лет» предостерегает доверчивых людей о двойственной тактике буржуазии. Он вновь и вновь подчеркивал причину победы этого класса: «Народ, вышедший на площади, слишком плохо знал, чего он хотел, чтобы помешать тем, кто решительно стал во главе движения, получить награду за свою отвагу...»³¹. И все-таки Луи Блан считает, что трудящиеся отнюдь не обречены бесконечно блуждать в потемках. По его мнению, «всякая революция полезна»³², даже если она сначала ухудшает положение народа, как это было в 1830 г.

²⁶ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 8. с. 171.

²⁷ Blanc L. Op. cit., t. 1, p. 201—202.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., p. 289.

³⁰ Ibid., p. 289—290.

³¹ Ibid., p. 326.

³² Ibid., p. 144.

В результате революции классовый антагонизм особенно обострился. Народ страдал, а буржуазия продолжала упиваться победой. Театры сотрясались от патриотических песен, банкет следовал за банкетом. Бедняки, у которых не было даже хлеба, роптали, видя все это.

Луи Блан повествует о событиях 13 августа, когда толпы народа направились к префектуре. Безоружные, они шли в строгом порядке, и ни один крик не вырвался из глубины толпы. Они хотели напомнить о справедливости, вызвать сострадание к женщинам и детям, сказать о том, что революция, которую они совершили, ухудшила их материальное положение. Вечером при слабом свете факелов многочисленные толпы в полном молчании дефилировали по городу. Тогда раздались крики: «Разве за такую малость мы боролись? Сегодня мы более несчастны, чем вчера... Мы только что спасли отечество, а наши семьи, доведенные до отчаяния и нищеты, терпят жестокую нужду»³³. Такова была «благодарность» власть имущих за отвагу и мужество народа, подчеркивает Луи Блан и приводит ответ Гизо на запрос палаты о положении рабочих: «Труд — это узда»³⁴.

Буржуазия, рассказывая Луи Блану, демагогически восхваляла героический народ Парижа, на деле задыхавшийся от нищеты, и тут же беззастенчиво предлагала в качестве нового короля герцога Орлеанского, пользовавшегося, как напоминал Луи Блан, весьма сомнительной репутацией в глазах парижан. Многие говорили, что он не разделял с народом опасности борьбы, что он вошел в Париж только 30 июля, когда оставалось похоронить мертвых, скорее не вошел, а прокрался в потемках в свой дворец³⁵.

Монархия Луи Филиппа — «по характеру и позициям первого буржуа в своем королевстве»³⁶ — правление финансовых тузов, которые с самого начала революции хотели укрепить свое положение, завладев парламентом, использовать избирательную систему в интересах собственной выгоды.

Напомним, что все эти замечания относились к царствующему монарху.

Французский социалист показал метаморфозу самого понятия «народ» в устах политиканов и на страницах парижских газет в первый же месяц после победы. «В экзальтации первого момента руководители буржуазии произносили слова, имеющие великий смысл: они говорили о суверенитете народа...»³⁷

Но уже 18 августа газета «Националь» разглагольствовала: «Рабочее население Парижа... — это еще не народ. Подобно людям искусства, торговцам и т. д., оно всего лишь часть народа...». Луи Блан пронизательно показал, что лишать таким образом слово «народ» его обычного значения было бы пустой игрой, если бы придание нового смысла не скрывало более глубокого замысла: «В действительности же стремились уничтожить все то необычное, что заключало в себе завоевание массами определенного места в обществе. С другой стороны, подчеркивание на словах этой общности интересов, не существовавшей на деле, преследовало цель обезоружить или оклеветать недовольный народ»³⁸.

Проницательный наблюдатель Луи Блан вскрыл еще один аспект буржуазной тактики — в числе первых он показал лицемерие политических лозунгов буржуазии. Шли на борьбу за свободу — писать для народа, не умеющего писать, иронизировал он. Богатые и знатные спорили об избирательном праве для народа, а новая конституция по существу ничего не дала народу, который после 15 лет борьбы, начатой

³³ Ibid., t. 2, p. 34—35.

³⁴ Ibid., p. 36.

³⁵ Ibid., t. 1, p. 369.

³⁶ Ibid., t. 2, p. 29.

³⁷ Ibid., p. 38—39.

³⁸ Ibid., p. 39.

во имя справедливости, родины и свободы, должен был вновь платить непосильные палог и служить в армии по рекрутскому набору. Это место дало повод В. Г. Белинскому пронизировать по поводу свободы, «дарованной» французам новой конституцией: «Хорошо равенство! И будто легче умирать зимою, в холодном подвале или на холодном чердаке, с женою, с детьми, дрожащими от стужи, не евшими уже три дня, будто легче так умирать с хартиєю, за которую пролито столько крови, нежели без хартии, но и без жертв, которых она требует?..»³⁹.

Основные концепции книги Луи Блана привлекли внимание А. И. Герцена. Вот как он излагает их в дневнике 4 июня 1843 г.: «Франция величественно и торжественно восстает, оскорбленная глупыми ордонаансами, противудействие геройское, по которое, умевши победить, не имело выдержки и позволило себя глупо обмануть. Скептический, не дошедший до формулирования своей мысли, XIX век не имел ничего готового. Демократия была бессистемная, социализм — едва родившийся. С первых дней революции провидишь, чья победа: робкая, трусливая, корыстолюбивая и переменчивая bourgeoisie завладеет всем, и в центре ее окруженный неблагородными лицами и несколькими обманутыми, как Казимир, хитрый Лудвиг-Филипп, человек прозаический, далекий от всякой гениальности, царь во имя посредственности и для нее»⁴⁰.

Критике буржуазного миропорядка посвящены едва ли не самые впечатляющие страницы «Истории десяти лет». Их цитирует или пересказывает не только В. Г. Белинский в статье «Парижские тайны», но и Н. Г. Чернышевский в статье «Июльская монархия»⁴¹.

Во вступлении ко 2-му тому лаконично и в то же время эмоционально Луи Блан рассказывает о расстановке классовых сил во Франции в первой половине 30-х годов XIX в., о восстании в Париже трехсот республиканцев, которые смело выступили против целой армии, о Лионе, дважды восставшем и утопленном в крови, о выступлениях интеллигенции, о тайных обществах и скандальных спекуляциях правительства. Неустойчивый мир внутри страны, полная анархия в промышленности, раздраженные и встревоженные богачи, никаких гарантий безопасности — такова картина первых десяти лет Июльской монархии⁴². Единственным выходом из сложившейся ситуации была революция.

Особого внимания заслуживает данная Луи Бланом в его «Истории десяти лет», а вслед за ним В. Г. Белинским и А. И. Герценом оценка роли буржуазии в истории. Этот, несомненно, интересный вопрос еще не подвергался текстуальному сопоставительному анализу⁴³.

Прежде всего выясним, что имел в виду В. Г. Белинский, когда писал В. П. Боткину, что «основной взгляд на буржуазию Луи Блана не совсем неоснователен, только доведен до той крайности, где всякая мысль, как бы ни справедлива была она в основе, становится смешною»⁴⁴. Поясняя свою позицию, В. Г. Белинский подчеркивал, что не принадлежит «к числу тех людей, которые утверждают за аксиому, что

³⁹ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 8, с. 172.

⁴⁰ Герцен А. И. Указ. соч., т. 2, с. 284.

⁴¹ Некоторые советские авторы считают этот почти дословный перевод книги Луи Блана оригинальным текстом Н. Г. Чернышевского. См., например: Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский, с. 65—66.

⁴² Blanc L. Op. cit., t. 2, p. 1—2.

⁴³ См.: Заславский Д. К вопросу о политическом завещании Белинского. — В кн.: Литературное наследство, 1948, т. 55, с. 51—86. В статье анализируются личные впечатления В. Г. Белинского во время его поездки за границу, его отношение к кардинальным вопросам эпохи, в частности к буржуазии (с. 81—86). В других статьях и книгах, в частности в работах А. И. Володина (Володин А. И. Указ. соч.), З. В. Смирновой (Смирнова З. В. Указ. соч.), рассматривался спор о буржуазии, вызванный «Письмами из Avenue Marigny» А. И. Герцена, но Луи Блану при этом уделено очень мало внимания.

⁴⁴ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 12, с. 449.

буржуазия — зло, что ее надо уничтожить, что только без нее все пойдет хорошо... так или почти так думает Луи Блан»⁴⁵.

В самом деле, в монографии Луи Блана с первых же страниц видна тенденциозная заданность. Поставив целью осветить события 30-х годов XIX в., автор начинает повествование издали, с причин поражения Наполеона в войне с Россией, рассчитывая показать «роковую» роль буржуазии в истории Франции еще в те годы. Он утверждает, что поражение Наполеона — дело рук буржуазии. Париж не был взят — он был предан. Военные ресурсы позволяли защищать город, но буржуазия предала Париж, предала Францию. Это она сначала вознесла Наполеона на вершину славы, а затем разочаровавшись, низвергла. «Человек шпаги», Наполеон вызывал недовольство буржуазии, жаждавшей мира⁴⁶.

Отдавая свои симпатии Наполеону, Луи Блан заявляет, что буржуазия обречена. «Чудесный закон providения, который за преступления угрожает наказанием, сделал самый эгоизм буржуазии началом ее окончательной гибели»⁴⁷. Она трепетала перед будущим в период расцвета империи Наполеона, ее мучил страх перед судьбой и в период Июльской монархии. Состоящая из банкиров, торговцев, промышленников, рантье буржуазия объята страхом перед неожиданностями⁴⁸. Подобные сентенции, очевидно, и дали основания В. Г. Белинскому называть книгу памфлетом, писать, что у французского историка буржуазия является врагом человечества и выступала против его благосостояния еще «до сотворения мира»⁴⁹.

Соглашаясь с А. И. Герценом и Луи Бланом, что буржуазия подходит к вопросам войны и мира только с точки зрения денежных интересов, что это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах⁵⁰, В. Г. Белинский шел, однако, глубже, пытаясь проанализировать роль буржуазии в историческом процессе⁵¹.

Приведенные выше оценки и высказывания В. Г. Белинского содержатся в его письме В. П. Боткину от 2—6 декабря 1847 г., посвященном главным образом «Письмам из Avenue Marigny» А. И. Герцена, который во многом был близок точке зрения Луи Блана на буржуазию. Вот почему, возражая А. И. Герцену, В. Г. Белинский так часто упоминает имя Луи Блана и порой непосредственно ему адресует свои возражения.

С гневным сарказмом рисует А. И. Герцен образ новых властителей мира: «Буржуазия явилась на сцене самым блестящим образом в лице хитрого, увертливого, шипучего, как шампанское... Фигаро; а теперь она на сцене в виде чувствительного фабриканта, покровителя бедных и защитника притесненных»⁵². Такова историческая метаморфоза класса. Если во времена Бомарше Фигаро был вне закона, то теперь он сам законодатель, «богат, как вельможа, но скуп, как лавочник»⁵³.

А вот место буржуа Фигаро в июльские дни 1830 г. в новой образно-художественной интерпретации А. И. Герцена: «...Осторожных правил своих Фигаро не оставил: его начали обижать — он подбил чернь вступить за себя и ждал за углом, чем все это кончится, чернь победила, — и Фигаро выгнал ее в три шеи с площади и поставил Национальную гвардию с полицией у всех дверей, чтоб не впускать сволочь. Добыча досталась ему, и Фигаро стал аристократом — граф Фигаро-Альмавива, канцлер Фигаро, герцог Фигаро, пэр Фигаро»⁵⁴.

⁴⁵ Там же, с. 451—452.

⁴⁶ *Blanc L.* Op. cit., t. 1, p. 3—18.

⁴⁷ *Ibid*, p. 54.

⁴⁸ *Ibid*, t. 2, p. 29.

⁴⁹ *Белинский В. Г.* Указ. соч., т. 12, с. 385.

⁵⁰ Там же, с. 449.

⁵¹ Там же, с. 448.

⁵² *Герцен А. И.* Указ. соч., т. 5, с. 33.

⁵³ Там же, с. 34.

⁵⁴ Там же, с. 35.

Нужно отметить долговременное, глубокое влияние концепций Луи Блана на А. И. Герцена. Изучение революции 1830 г., механизма Июльской монархии создало основу для пронизательного анализа следующего этапа развития буржуазно-демократической революции во Франции, помогло ему увидеть тенденции развития событий в 1848 г.

Социализм — требование рабочих в феврале 1848 г. Но этот лозунг, как в свое время лозунг «Свобода, равенство и братство», стал удобной ширмой для одурачивания масс, подчеркивал А. И. Герцен. Первая и главная мысль буржуазных деятелей была нацелена против социализма, против развития революции: «Они хотели *обуздать* народ, они хотели скорее порядка, скорее выйти из революционного состояния»⁵⁵. С такими «революционерами» народ расстанется в июльские дни 1848 г. «именно потому, что остается верен революции»⁵⁶.

В письме Боткину В. Г. Белинский, защищая А. И. Герцена от нападок «западников», возмущенных критикой капитализма и буржуазии, продолжил и развил некоторые мысли Луи Блана и А. И. Герцена: «Торгаш — существо, цель жизни которого — нажива, поставить пределы этой наживе невозможно. Она, что морская вода: не удовлетворяет жажды, а только сильнее раздражает ее. Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману. Для него деньги не средство, а цель, и люди — тоже цель»⁵⁷.

Но этой критикой классовой психологии буржуазии сходство в оценках А. И. Герцена, Луи Блана и В. Г. Белинского, пожалуй, и исчерпывается. Великий критик оказался намного пронизательнее и зорче не только Луи Блана, но и А. И. Герцена. Его подход к оценке роли буржуазии в истории подлинно диалектичен.

А. И. Герцен, подобно Луи Блану, утверждал: «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности. Она была минутно хороша как отрицание, как переход, как противоположность, как отстаивание себя. Ее сил стало на борьбу и на победу; но сладить с победою она не могла: не так воспитана»⁵⁸.

В. Г. Белинский решительно возражал. Он пронизательно заметил, что буржуазия «явилась не вчера, словно гриб выросла... она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги»⁵⁹. Великий русский мыслитель подчеркивал революционный потенциал средней и мелкой буржуазии, видел неизбежность развития капитализма в России⁶⁰.

Во второй половине 40-х годов В. Г. Белинский пересмотрел свое отношение к Луи Блану. Он признает его только как историка современных событий, каким тот предстал в «Истории десяти лет»⁶¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс, которые упоминают о Луи Блане только после революции 1848 г., видели в нем представителя «сентиментального фразерствующего социализма», «предателя народа»⁶². Отметим, что Ф. Энгельс отдавал дань высокому уважению самоотверженным исканиям в области чистой теории Н. Г. Чернышевского, а также исторической и критической школы в русской литературе, считая, что она «стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой»⁶³.

⁵⁵ Там же, с. 150.

⁵⁶ Там же, с. 204.

⁵⁷ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 12, с. 450.

⁵⁸ Герцен А. И. Указ. соч., т. 5, с. 34.

⁵⁹ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 12, с. 448.

⁶⁰ Там же, с. 468.

⁶¹ Там же, с. 385.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 569.

⁶³ Там же, т. 36, с. 147.